

фонологических оппозиций занимать то или иное положение в слове. Этот небольшой этюд, отличающийся изяществом и тонкостью наблюдений, вместе с тем воспринимается как фрагмент, недостаточно органический в монографии, строго подчиненной единому замыслу и методу.

В настоящее время, по-видимому, трудно оценить во всем объеме перспективы подхода и метода, примененного В. И. Перебийнос к фонологии украинского

языка. Очевидно во всяком случае то, что эта монография — не только надежный источник обширных сведений по парадигматике и синтагматике украинской фонологической системы, но и первое успешное воплощение идеи фонологического описания, целиком ориентирующегося на количественные характеристики и их содержательную интерпретацию.

С. М. Толстая

«Symposion über Syntax der uralischen Sprachen». Im Auftrage der Akademie in Göttingen herausgegeben von W. Schlachter.—Göttingen, 1970. 232 стр. («Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen». Philolog.-hist. Kl., III. Folge, № 76)

В рецензируемой книге опубликованы материалы симпозиума по синтаксису уральских (финно-угорских и самодийских) языков, происходившего под руководством проф. В. Шляхтера в июне 1969 г. в Гёттингене. В симпозиуме приняли участие более двадцати известных лингвистов — специалистов по уральским языкам: 17 человек выступали с докладами; кроме того, каждый из докладчиков дважды выступал с содокладом; в прениях принимали активное участие многие участники симпозиума.

Бросается в глаза исключительно четкая организация и проведение работы симпозиума: хорошо подобрана тематика докладов, каждый доклад сопровождался двумя содокладами и заканчивался краткой дискуссией по обсуждаемой синтаксической проблеме. В рецензируемой книге опубликованы все 17 докладов, 34 содоклада, а также дано краткое содержание пятидесяти с лишним выступлений в прениях.

А. Алхониеми (Турку, Финляндия) осветил вопрос о функциях весьма многозначного падежа, отвечающего на вопрос «куда?», в марийском языке. Й. Балас (Будапешт — Рим) в докладе «К образованию древнейших уральских синтагматических сочетаний» проводил мысль о том, что при образовании подобных сочетаний важную роль играли местоименные элементы (указательные слова). Эти местоимения могли стоять не только перед определяемым словом, но и после него; например: фин. *se, poika* «тот (именно) мальчик»; *poika, se* «мальчик, (именно) он тот». В таких сочетаниях местоименные элементы еще имели на себе ударение; когда же в сочетании *se, poika* ударение передвинулось на главный член, то местоимение превратилось в артикль, как, например, в венг. *a fiú* «тот мальчик» > «мальчик (известный)»; в сочетании *ház te* «дом ты» > *házad* «твой дом» местоимение стало зависимым

членом, потеряло ударение и превратилось в аффикс. Интересна судьба вопросительных местоимений и наречий — они образованы из двух указательных слов: эст. *kesse* «кто», *misse* «что» < **ke-se* «кто» и «это», **mi-se* «что» и «это», селькуп. *kut* «кто?» < **ka-ta* «кто» и «это» и т. д.

Л. Бенке (Будапешт, Венгрия) в докладе «К вопросу об уральском имени-глаголе (Nomenverba) в свете истории венгерского языка» заметил, что в современных языках имя и глагол, имеющие одинаковую корневую морфему, как правило, дифференцированы синтаксически, морфологически и семантически. По мере продвижения в глубь истории языка различие между этими частями речи постепенно уменьшается и в конечном счете совсем исчезает. В этом случае можно говорить об имени-глаголе (Nomenverbum), об амбивалентных корневых морфемах типа совр. венг. *nyom* «след; колея» и «жать; давить». В современном венгерском языке созвучных пар слов такого типа насчитывается свыше 200, но при рассмотрении данной проблемы значительную часть из них можно использовать только условно, поскольку они существенно отошли от первоначального вида.

Д. Дечи (Гамбург, ФРГ) в докладе «Глаголы существования (Existenzverb) в предикативных конструкциях селькупского языка» дал структурный анализ разных видов составного сказуемого, содержащих вспомогательный глагол «быть».

Г. Ганшов (Мюнхен, ФРГ) в докладе «Методы описания структуры простого предложения хантыйского языка» предложил новую модель для описания структуры простого предложения хантыйского языка; эта модель пригодна также при изучении синтаксиса других уральских языков.

Й. Гуя (Будапешт) в докладе «Актив, эргатив и пассив в ваховском

диалекте хантыйского языка» на большом фактическом материале, взятом из работ К. Карьялайнена, Э. Вертеш и Н. И. Терешкина, произвел краткое описание структур предложения этого диалекта, пользуясь методом синхронной дистрибуции; намечены семь типов конструкций предложения.

П. Хайду (Сегед, Венгрия) в докладе «О синтаксисе отрицательных форм глагола в самодийских языках», пользуясь трансформаторно-порождающим методом, дал детальную характеристику структуры этих форм.

О. Никола (Турку, Финляндия) рассказал о подготовке к машинному синтаксическому анализу финских диалектных текстов в Туркуском университете, где хранятся богатейшие собрания материалов в виде микрофильмов (оригиналы этих микрофильмов находятся в Хельсинки в колоссальных размерах — около 11 тысяч часов магнитофонных записей).

Э. Кенгасмаа-Минн (Турку, Финляндия) в своем докладе сообщила о номинализации предложений в марийском языке.

Ш. Карой (Будапешт) посвятил доклад рассмотрению проблемы «Связи между грамматической синонимией и семантикой» в плане сравнительного изучения категории падежа.

М. Корхонен (Хельсинки) исследовал способы выражения неопределенного субъекта в активном предложении саамского языка.

К. Редей (Будапешт) в докладе «Русское влияние на синтаксис коми-пермяцкого языка (О явлениях интерференции у глагола)» отметил, что в коми-пермяцком языке число русских заимствованных слов превышает 5000; такое большое число заимствований свидетельствует об интенсивных соприкосновениях с русскими, даже о состоянии, близком к двуязычию; естественно, поэтому, что явления интерференции встречаются не только в лексике, но также на других уровнях языка. Через русские лексические заимствования, по мнению докладчика, получили право гражданства новые фонемы *ф, х, ч, р'*; заимствованы отдельные словообразовательные суффиксы: *-овой* < русск. диалектн. *-овоц*, коми-перм. *-корт* «железный» (корт «железо»), *-ок* < русск. *-ок* (туйок «дорожка» от туй «дорога») и т. д.

В области синтаксиса глагольных форм коми-пермяцкого языка К. Редей считает русскими заимствованиями такие факты как, например: 1) *менё кытё* «меня знобит», *ваён кыртёс берег* «водой размыло берег» и др. Представляется, что в подобных безличных предложениях, встречающихся во всех коми диалектах и удмуртском языке, нельзя видеть русское влияние (ср. коми *менё восдбб*, удм. *монэ ыскытэ* «меня тошнит, рвет», коми *гыр-*

кёс йёртё «запор у меня» буквально: «мою внутренность запирает» и т. д.); 2) элементы *-ко, -те*: *мунам-ко* «пойдемте-ка», *мунам-те кино* «пойдемте в кино»; 3) бы сослагательного наклонения: *вермис бы лоны* «могло бы быть»; 4) употребление вежливой формы мн. числа: *мый вистамат?* «что Вы говорите?». Следует заметить, что К. Редей и его содокладчики значительно преувеличивают степень влияния русского языка на коми-пермяцкий в отношении числа заимствований как в лексике (5000 слов составляют 30—40% всей лексики), так и в фонетике (*ф, х, ч, р'*; содокладчик Ш. Карой считает заимствованиями даже звуки *м', б', н'*) и в грамматике (употребление формы русского инфинитива: *попроведать*, бытование целых фраз: *сметана сызлал* и т. п.). При решении проблемы русских заимствований в коми-пермяцком языке следует подходить дифференцированно к различным территориям распространения языка и к различным социальным группам носителей языка. Вряд ли можно сомневаться в том, что образованные специалисты, с одной стороны, и широкие народные массы, с другой, заметно различаются между собой по языку. В то же время есть места, где население полностью двуязычно (Оньковский сельсовет, верховье Камы). На таких диалектах, обычно окраинных, говорит ограниченное количество населения (5—6%). Кстати сказать, аналогичные диалекты существуют почти у всех народов. При изучении вопросов взаимовлияния языков двух народов надо в том и в другом случае ориентироваться на язык массы его носителей и на литературный язык, базирующийся на языке народных масс. Тогда получится совсем иная картина.

Очень небольшой процент народных масс употребляют новые фонемы (*ф, х, ч, р'*), губные мягкие (*п', б', м'*), вообще не употребляют. В бытовой речи употребляют сравнительно немного русских лексических заимствований. Мы провели приблизительный подсчет заимствованных слов, встречающихся в первом коми-пермяцком романе В. Климова «Гавкалён бедь» (Кудымкар, 1968), где широко отражена бытовая речь. Результаты подсчета: русских заимствований 20%, из них половина — союзы (*и, а, но, да, ни*), которые и в бытовой речи являются весьма употребительными элементами; слов с заимствованными фонемами встречается только единицы и то, по-видимому, существуют только в написании. Вышеупомянутые морфемы русского происхождения (*-овоц, -ок, бы* и т. п.) а равно и многие русские синтаксические конструкции действительно являются широко употребительными в коми-пермяцком языке. Однако без специального исследования трудно решить, что в коми-пермяцком синтаксисе заимствовано из

русского языка и что является самобытным.

П. Саукконен (Оулу, Финляндия) исследовал соотношение ряда типов синтаксических и аналитических конструкций в финском языке.

П. Сиро (Тампере, Финляндия) в докладе «Проблема финно-угорского спряжения» не соглашается с широко распространенным мнением об отсутствии в финно-угорском языке спрягаемых глагольных форм¹ и критикует ту точку зрения, в соответствии с которой финитные формы, образованные путем присоединения личных местоимений, вначале якобы именными категориями. П. Сиро сомневается в том, что некогда в языке существовали только именные формы с притяжательными суффиксами; скорее всего, процесс возникновения личных окончаний глагола и притяжательных суффиксов имен протекал одновременно, параллельно.

Г. Стипа (Гёттинген — Хельсинки) рассмотрел безличные предложения в коми языке — преимущественно те из них, в которых логический субъект стоит в косвенном падеже (вин., дат., местн. и

¹ Ср.: Bárczi G., *A magyar nyelv életraja*, Budapest, 1963, стр. 57; Berg J., *Magyar történeti mondattan*, Budapest, 1957, стр. 175.

И. П. Севбо. Структура связного текста и автоматизация реферирования. — М., «Наука», 1969, 135 стр.

Изучение внутренней организации текста становится одной из актуальных проблем лингвистики, как прикладной, так и теоретической. Во-первых, знание законов построения текстов необходимо в самых различных областях гуманитарного знания — без него бессмысленно создание приемлемых методов автоматического реферирования и индексирования в информатике¹, исследование психологии чтения², композиции литературных произведений и даже разработка адекватной

¹ В нашей рецензии мы касаемся в основном первой, посвященной структуре текста и представляющей общелингвистический интерес части книги И. П. Севбо; ее более специальная вторая часть посвящена применению найденных закономерностей организации текста к созданию лингвистически обоснованных методов аннотирования и реферирования.

² См. лингвистически наивную и в то же время весьма симптоматичную попытку представления структуры текста в кн.: Л. П. Д о б л а е в, Психологические основы работы над книгой, М., 1970, стр. 11—19.

род.). Выделяются следующие типы безличных предложений: 1) *батъбля янджим* «отцу стыдно»; 2) *сбблм вылас Варукулы вблйконы* «на душе у Варвары было легко»; 3) *пелын тиньб* «в ухе звенит»; 4) *Микулдн* (род.) *эз узьсы* «Николаю не спалось» (буквально: «у Николая не спалось»); 5) *менб дышбдс* «меня взяла лень»; мне стало лень» (*дышбдс* — глагольная форма фактитива, образована от прилагательного *дыш* «ленивый»). Г. Стипа, сопоставляя выделенные им типы безличных предложений с соответствующими оборотами речи других финно-угорских языков, а также русского языка, считает, что третий тип возник под влиянием русского языка; его же содокладчик — К. Рееи — видит русское влияние также в четвертом и пятом типах. Последнее вызывает сомнение, так как в четвертом типе, например, глагол русского языка управляет дат. падежом, а глагол коми языка — род. падежом.

В последнем докладе симпозиума, сделанном Б. Викманом (Уппсала, Швеция), рассматривалось употребление объектного спряжения, имеющегося в ряде уральских языков.

В целом рецензируемый сборник полезен уже тем, что в нем затронут целый ряд актуальных вопросов синтаксиса уральских языков.

В. И. Лыткин

математической теории семантической информации. Во-вторых, без знания этих законов остается незавершенным здание самой лингвистики. Владение языком на практике проявляется именно в построении текстов (высказываний), в которых строение отдельного предложения зависит от строения других предложений того же текста. Поэтому, занимаясь структурой текста, лингвистика не выходит за пределы своей основной задачи — изучения законов организации человеческой речи.

Между тем основные достижения лингвистики были до недавнего времени связаны с изучением организации единиц, не превосходящих предложения. В исследовании целых текстов впереди оказались литературоведы, показавшие, как тексты определенного типа (жанра) — например, волшебная сказка или басня, — складываются из своего рода стандартных блоков — мотивов или функций³,

³ См.: В. Я. Пропп, Морфология сказки, 2-е изд., М., 1969; М. Л. Гаспаров, Сюжет и идеология в эзоповских баснях, ВДИ, 1968, 3.